

КЭТРИН ПАРДИ

ЛУНА
КОСТЯНОЙ
ВОЛШЕБНИЦЫ

**LIKE
BOOK**

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
П18

BONE CRIER'S MOON
Kathryn Purdie

Copyright © 2020 by Kathryn Purdie

Перевод с английского *О. Норицыной*
Художественное оформление *Ю. Девятовой*
Иллюстрация на переплете *CrazyTom*

Парди, Кэтрин.
П18 Луна костяной волшебницы / Кэтрин Парди ; [перевод с английского О. Норицыной]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-120264-4

Костяные волшебницы помогают сохранить равновесие между мирами. Они переправляют души умерших в другой мир, чтобы не сеять хаос среди живых.

Аилесса с ранних лет готовилась стать главной костяной волшебницей. Теперь ей предстоит пройти жестокий обряд посвящения. В полнолуние девушка должна убить того, кому предназначалось стать ее возлюбленным.

Бастьен давно жаждет отомстить волшебницам за смерть своего отца, который стал жертвой их ритуала. Но когда он выследил Аилессу, все идет не по плану – теперь его судьба зависит от нее.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-120264-4

© Норицына О., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается Сильвии, Карине и Агнес
за четыре незабываемых лета*

Восемь лет назад

Туман окутывал отца Бастьена, пока он уходил от своего единственного ребенка. Мальчик приподнялся на коленях в тачке.

— Куда ты, папá?

Но он ничего не ответил. Свет полной луны в последний раз осветил каштановые волосы Люсьена, прежде чем туман поглотил его.

Оставшись в одиночестве, десятилетний Бастьен опустился на землю и попытался успокоиться. В голове одна за другой всплывали истории о головорезах и разбойниках, промышлявших на лесных дорогах. «Не бойся, — сказал он себе. — Папá бы предупредил меня, если бы была какая-то опасность». Но отца и след простыл, и Бастьена вновь охватили сомнения.

За городскими стенами пустая тачка не укроет от опасности. А когда Бастьен вдруг слышал странный шорох, напоминающий призрачный шепот, у него по коже побежали мурашки. Ветки деревьев показались ему скрюченными костями, а страх перехватил дыхание.

«Я должен последовать за папá сейчас», — подумал он, но ночной холод уже проник в кости, наполняя их тяжестью свинца. Бастьен задрожал и прижался к скульптурам из известняка, лежащим в тачке. Тирус, бог Подземного мира, на лице которого застыла усмешка, уставился на него в ответ. Отец Бастьена вырезал эту статуэтку несколько месяцев на-

зад, но все еще не продал ее. Люди предпочитали покупать изображения бога Солнца и богини Земли. Они поклонялись жизни и пренебрегали смертью.

До Бастьена донеслась мелодия. Ритмичная. Дикая. Печальная. Как тихий плач ребенка, жалобный крик птицы или душераздирающая баллада о потерянной любви. Музыка разливалась внутри его, до боли прекрасная. Она казалась такой же красивой, как женщина, стоявшая на мосту. И вскоре он, как и его отец, последовал на зов музыки.

Дымка плотного тумана тянулась с моря Нивоус. Легкий ветерок играл кончиками темно-янтарных волос женщины. Подол ее белого платья колыхался в воздухе, обнажая стройные лодыжки и босые ступни. Чарующая музыка лилась из белой, словно кость, флейты, которую она прижимала к своим губам. Так почему же Бастьен не сразу узнал этот образ?

Женщина положила флейту на парапет, как только Люсьен добрался до нее на середине моста. Лунный свет, пробиравшийся сквозь туман, придавал их фигурам неземное сияние.

Бастьен застыл, не в силах больше сделать ни шагу. Может, ему снился сон? Может, он просто заснул в отцовской тачке?

Но вдруг отец и женщина начали танцевать.

Ее движения были медленными, захватывающими, грациозными. Она скользила сквозь дымку тумана, словно лебедь по воде. Люсьен не сводил взгляда с ее темных, как ночь, глаз, и Бастьен тоже. Но стоило танцу закончиться, как он очнулся от наваждения. Что, если он *не спал*?

Его взгляд вновь скользнул к белой, словно кость, флейте. И страх опалил живот горячими углями. Неужели флейта *действительно* сделана из кости?

Легенды о Костяных волшебницах вдруг вспыхнули в голове, а следом загремели предупреждающие колокола. Рассказывали, что женщины в белых платьях бродили по окрестностям Галле. Отец Бастьена не верил в суеверия и не страшился переходить мосты в полнолуние, но, видимо,

зря. Потому что сейчас его очаровали, как и всех людей в легендах. И все истории звучали одинаково. Мост, танцы... и то, что случилось потом. А значит, и сейчас...

Бастьен бросился вперед.

— Папá! Папá!

Но отец, который обожал его, носил на плечах и пел колыбельные, даже не оглянулся на сына.

Костяная волшебница уже схватилась за свой костяной нож. Она прыгнула вперед — выше, чем любая косуля, — и со всей силы всадила клинок прямо в сердце Люсьена.

Гортанный крик, вырвавшийся у Бастьена, больше напоминал вопль взрослого мужчины. А в его груди образовалась невероятная пустота, которую он станет лелеять годами.

Вбежав на мост, он рухнул рядом с отцом и взглянул на женщину, смотревшую на него с притворной печалью в глазах. Она оглянулась на другую женщину, стоявшую на другой стороне моста, та быстро поманила ее рукой.

Первая женщина поднесла окровавленный костяной клинок к ладони, словно собиралась порезать ее, чтобы завершить ритуал. Но, бросив последний взгляд на Бастьена, она бросила нож в лес и унеслась прочь, оставляя мальчика рядом с телом убитого отца и уроком на всю жизнь:

«Верь всем историям, что слышишь».

1

Сабина

Сегодня идеальный день для охоты на акул. По крайней мере, так утверждает Аилесса. Хватая ртом воздух, я карабкаюсь вверх по скале, пока она ловко перепрыгивает с одного выступа на другой. В лучах утреннего солнца ее каштановые волосы вспыхивают цветом красного мака, а пряди разлетаются от порыва морского ветра, когда она ловко взбирается на очередной выступ.

— Знаешь, что бы сделала настоящая подруга? — Я хватаюсь рукой за известняк и пытаюсь отдышаться.

Повернувшись ко мне, Аилесса смотрит на меня сверху вниз. Кажется, ее нисколько не напрягает ненадежность опоры под ногами.

— Настоящая подруга бросила бы мне свой кулон.

Я кивнула на изящный костяной полумесяц, который болтается среди маленьких ракушек и бусин в ее ожерелье. Он вырезан из кости альпийского горного козла, на которого мы охотились в прошлом году далеко на севере. Он стал первой жертвой Аилессы, но именно я выстругала из его ребра кулон, который подруга теперь носит. Я лучший резчик по кости, чем она, и Аилесса спокойно относится к моим издевкам, в том числе потому, что это единственное, в чем я лучше ее.

Воздух тут же наполняется моим самым любимым звуком в мире — ее смехом. Он звонкий, без капли сдержанности и снисходительности. И я тут же начинаю смеяться в ответ. Хотя и понимаю, что смеюсь сейчас над собой.

— Ох, Сабина. — Она вновь спускается ко мне. — Видела бы ты себя! Ты совсем выдохлась.

Я шлепаю ее по руке, хотя и знаю, что она права. Мое лицо горит, а по вискам скатываются капельки пота.

— Знаешь, очень эгоистично с твоей стороны делать вид, будто этот подъем не сложнее подъема по лестнице.

Аилесса принимает обиженный вид, надувая губы.

— Ох, прости.

Она прижимает руку к моей спине, чтобы поддержать меня. И я сразу же расслабляюсь. Да и высота в десять метров уже не кажется такой большой.

— Даже представить себе не могу, каково обладать шестым чувством акулы, — продолжает она. — Как только добуду ее изящные кости, то смогу...

— ...Ощущать, кто находится поблизости, и стать лучшей Перевозчицей из Леурресс¹ за последние столетия, — бормочу я.

Все утро она говорила только об этом.

Аилесса ухмыляется, а ее плечи трясутся от смеха.

— Давай я помогу тебе подняться. Мы почти добрались.

Она даже не думает отдать мне свой кулон в виде полумесяца. Все равно он мне ничего не даст. Благодатью может воспользоваться лишь та охотница, которая наделила кость силой животного. Иначе Аилесса уже давно подарила бы мне все свои кулоны. Она прекрасно знает, как я ненавижу убивать.

С ее помощью оставшийся путь на вершину я преодолеваю с легкостью. Она подсказывает, куда наступить, и подает руку, если видит, что я не могу дотянуться до выступа. И при этом продолжает болтать о том, что ей удалось узнать об акулах: об их превосходном обонянии, великолепном зрении даже в полутьме, мягком скелете, состоящем из хрящей... Аилесса планирует выбрать для кулона благодати один из зубов, потому что они очень твердые и прослужат всю жизнь. К тому же в них столько же особого минерала, что и в костях, а значит, они с легкостью пропитаются акульим чутьем.

¹ Слово *Leurges*, взятое автором за основу для обозначения Костяных волшебниц, с фр. переводится как приманка, ловушка.

Когда мы наконец добираемся до вершины, мои ноги дрожат от усталости. Но Аилесса не собирается останавливаться на отдых. Она устремляется к противоположному краю утеса, останавливается у самого обрыва, нависающего над морем, и визжит от восторга. Легкий ветерок обдувает ее короткий облегающий сарафан с единственной бретелью. А на правой руке до самого предплечья переплетены тонкие нити ожерелья. Этот наряд идеально подходит для плавания. Обычно поверх него Аилесса надевает длинную белую юбку, но сегодня утром, перед тем как отправиться в путь, она специально сняла ее.

Разведя руки в стороны, она принимается разминать пальцы.

— Что я говорила? — кричит Аилесса. — Сегодня прекрасный день. И почти нет волн.

Я присоединяюсь к ней, но останавливаюсь в паре шагов от края и смотрю вниз. Примерно четырнадцать метров вниз находится лагуна, окруженная такими же, как этот, известняковыми утесами. И поверхность воды лишь слегка рябит от слабого ветра.

— А акулы?

— Дай мне минутку. Я видела здесь раньше несколько особей рифовых пород.

Ее глаза цвета жженой умбры слегка прищуриваются в попытке разглядеть акул в глубине под водой. Эту способность ей дает кость благодати, полученная от сокола.

Соленые брызги щекочут мне нос, когда я осторожно наклоняюсь вперед. Но стоит вдохнуть опьяняющий морской бриз, как я теряю равновесие и поспешно отступаю подальше от края. Аилесса же стоит неподвижно, а ее тело застыло, словно камень. Мне прекрасно знакомо это хищное и в то же время терпеливое выражение ее лица. Она способна выжидать свою добычу часами. Аилесса просто рождена для охоты, ведь ее мать Одива — *matrone*¹ нашей *famille*² — наша величайшая охотница.

¹ Матрона, мать — *фр.*

² Семья — *фр.*

Не удивлюсь, если отцом Аилессы был какой-нибудь искусный солдат или капитан. А вот мой, вероятно, садовником или аптекарем. Тем, кто умел врачевать или выращивал растения. Вот только эти навыки не ценятся у Леурресс.

Мне не следует интересоваться нашими отцами. Все равно нам их не узнать. Одива не разрешает женщинам нашей *famille* говорить о мертвых *amouré*, избранных мужчинах, души которых прекрасно дополняют наши. Ведь нам, новичкам, когда-нибудь и самим придется приносить жертвы, и будет намного проще, если мы не станем привязываться к тем, кому суждено умереть.

— Попалась! — Аилесса указывает на темное пятно рядом с отвесной стеной утеса.

Но я ничего не вижу.

— Уверена?

Она кивает, сгибая руки в предвкушении.

— Тигровая акула, королева хищников! Представляешь, как повезло? А я уже боялась, что тебе придется нырять вместе со мной, чтобы отпугивать других рифовых акул, привлеченных ароматом крови.

Я с трудом сглатываю возникший в горле ком, представляя себя в роли приманки. К счастью, никто не решится приблизиться к тигровой акуле. Ну, кроме Аилессы.

— О, Сабина, — восхищенно вздыхает подруга, — она такая прекрасная... и крупная. Даже больше мужчины.

— Она?

Пусть Аилесса и обладает зрением сокола, но даже ей не заглянуть *сквозь* кожу.

— Только женщина может быть такой великолепной.

Я усмехаюсь.

— Говорит та, что еще не встречала своего *amouré*.

Аилессу, как и всегда, забавляют мои циничные высказывания.

— Если я заполучу зуб акулы, то он станет моим третьим кулоном, а значит, я встречу своего *amouré* в следующее полнолуние.

Моя улыбка слегка омрачается. Все Леуррессы должны заполучить три кости благодати, чтобы стать Перевозчицей. Но это не единственное условие. И именно мысль о последнем удерживает меня от продолжения разговора. Аилесса так непринужденно говорит об обряде посвящения и о человеке, которого ей придется убить... *человеке*, а не существе, которое не кричит, когда его жизнь обрывается. Но ее снисходительность естественна. Это я отличаюсь от всех Леурресс. Потому что не могу спокойно воспринимать все, что нам приходится делать, чтобы оплатить цену, запрашиваемую богами за безопасность этого мира.

Аилесса вытирает ладони о платье.

— Нужно поспешить. Акула разворачивается в сторону устья лагуны. И мне никогда не поймать ее, если придется бороться с течением. — Она указывает на маленький песчаный пляж внизу. — Встретимся там, ладно? Я вытащу тушу на берег, когда одолею акулу.

— Подожди! — Я хватаю подругу за руку. — А вдруг тебе не удастся это сделать?

Да, я сейчас говорю, как ее мать, но это должно быть сказано, на кону жизнь моей лучшей подруги. И эта охота отличается от тех, что раньше устраивала Аилесса. Не уверена, что стоит подвергаться такой опасности ради чутья акулы. Может, следовало выбрать кость другого животного?

На ее лице мелькает удивление. Ведь обычно я поддерживаю ее во всех начинаниях.

— Я смогу одолеть акулу. Большинство из них ведут себя вполне спокойно, если не чувствуют для себя опасности.

— То есть охотница, прыгнувшая на нее со скалы, не считается опасностью?

— Это лучше, чем плыть от берега. Мне никогда за ней не угнаться в воде.

— Не в этом дело!

Аилесса скрещивает руки на груди.

— Охота *всегда* связана с опасностью. И вот в чем дело! Животных, обладающих наилучшими качествами, *всегда*

сложно убить. Иначе все мы давно носили бы беличьи кости.

Меня тут же пронзает обида. И я невольно сжимаю крошечный череп, свисающий с вошеного шнура до груди. Моя единственная кость благодати.

Глаза Аилессы округляются.

— Я не имела в виду твою кость, — осознав свою ошибку, бормочет она. — И не хотела тебя обидеть. Огненная саламандра намного лучше грызуна.

Но я не поднимаю глаз от земли.

— Саламандра даже меньше грызуна. И все прекрасно знают, насколько легко было ее убить.

Аилесса берет меня за руку и долго не отпускает ее, прекрасно осознавая, что акула уплывает.

— Но тебе это далось нелегко. — Наши пальцы почти соприкасаются, и ее кремовая кожа выделяется на фоне моей оливковой. — Кроме того, огненная саламандра обладает даром быстрого исцеления. Ни одной Леуррессе до тебя не хватило мудрости обрести эту благодать.

По ее словам, убийство саламандры кажется умным ходом. Но правда заключается в том, что Одива так сильно давила на меня, заставляя отправиться на первую охоту, что от отчаяния я выбрала существо, которое вызывало у меня меньше всего жалости. Но это не сработало. Я проплакала несколько дней и не смогла притронуться к ее тельцу. Аилесса за меня ошпарила ее тушку и очистила кости, чтобы я могла сделать ожерелье. Она предложила мне использовать позвонки, но, к ее удивлению, мой выбор пал на череп. Потому что именно эта кость не давала забыть о саламандре и навевала мысли о ее жизни. И это показалось мне лучшей данью уважения, которую я могла ей оказать. Но я так и не смогла заставить себя вырезать на черепе какие-либо узоры. Но Аилесса никогда не спрашивала меня об этом. Она никогда не заставляет меня говорить на неприятные мне темы.

— Тебе лучше бы убить эту акулу, — вытерев нос рукой, говорю я.